

**«ЭТНИЧЕСКИЕ» КОЛЛЕКТИВНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРАВА:
ВЫБОР МЕЖДУ ПРАВАМИ НАРОДОВ
И КУЛЬТУРНЫМИ ПРАВАМИ ИНДИВИДА**

Утверждение коллективных прав этнических общностей — одна из сложных проблем современного права. Оно традиционно отдает предпочтение правам индивидуальным, и эта точка зрения пока остается преобладающей, несмотря на постепенное продвижение коллективных прав. В статье предпринята попытка понять причину стойкого неприятия коллективных «этнических» прав и показать его несостоятельность в современных условиях.

**“ETHNIC” COLLECTIVE AND INDIVIDUAL RIGHTS:
CHOICE BETWEEN RIGHTS OF NATIONS
AND INDIVIDUAL CULTURAL RIGHTS**

Establishing of collective rights of ethnic communities is one of the most difficult problems of the modern law. Traditionally it prefers individual rights to collective ones, and this approach is still predominant in spite of the gradual progress of collective rights. The author of the article makes an attempt to understand the reason of steady non-recognition of collective rights and to show its groundlessness in present conditions.

Традиционно международное право отдает предпочтение индивидуальным правам, правам, предоставляемым представителям народа, лицам, относящимся к определенным этническим общностям (коренным народам, меньшинствам, членам племенных народностей и т.д.), а не самим этническим сообществам. О коллективной природе права говорит лишь фраза «в сообществе с другими представителями народа», если она вообще включается в формулировку. Этим особо подчеркивается, что даже коллективные по своей природе права осуществляются индивидуально, посредством действий индивидов, а не абстрактных сообществ. Однако для «этнических» прав главным является не действие, а его результат, например, сохранение самобытности, культуры, языка, жизненной формулы и т.д., их развитие и утверждение. Понятно, что единичными действиями индивидов этих целей не достигнуть. Вряд ли можно говорить о самобытности индивида вне самобытности этнической общности, к которой он принадлежит. Именно защита самой этнической общности и ее самобытности, т.е. реализация коллективных «этнических» прав в их совокупности, позволит в полной мере реализовать индивидуальные «этнические» права.

И в то же время неправильно считать, что стремление этнических сообществ сохранить себя как специфическую культуру и воспроизводить себя как отдельную социальную общность может быть осуществлено только посредством коллективных «этнических» прав. Их реализация невоз-

можна вне контекста прав человека. Тот факт, что возможности индивида в осуществлении права быть этнонационально выраженным во многом зависят от объема и реальности прав этнической общности, позволяет говорить о том, что коллективные и индивидуальные «этнические» права находятся в диалектическом единстве. Еще в 1972 г. известный французский юрист К. Вазак назвал коллективные права составной частью прав человека и отнес их к «третьему поколению прав человека». Согласно его концепции, первое поколение прав (гражданские и политические права) есть наследие Великой французской революции, идеи Великой Октябрьской социалистической революции способствовали установлению прав второго поколения (социально-экономических и культурных прав), коллективные же права, права народов, «права солидарности» стали утверждаться благодаря усилиям развивающихся стран, расширившим представления о правах и свободах человека. При этом К. Вазак отмечал, что «формулируемые, по существу, как индивидуальные “права солидарности” по определению могут осуществляться только коллективно, “посредством согласованных усилий всех факторов общественной жизни, т.е. индивида, государства, публичных и частных объединений и международного сообщества”»¹.

Перед современным правом (вернее, обществом, государством) стоит сложная задача, заключающаяся в том, чтобы обеспечить реализацию «прав на солидарность», и индивидуальных, и коллектив-

ных, установив взгляд на вторые как на действенный механизм реализации первых и на человека как на конкретную социально-этническую сущность, а не абстрактно понимаемого индивида. Особенности геокультурного и политического развития, сложившиеся традиции позволяют говорить, что российскому обществу и праву эта задача под силу: «...евразийские народы строили общую государственность, исходя из принципа первичности *прав каждого народа* на определенный образ жизни. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался неукоснительно. Таким образом обеспечивались и *права отдельного человека*... Исторический опыт показал, что пока за каждым народом сохранялось *право быть самим собой* (курсив. — *Авт.*), объединенная Евразия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая, и мусульман. К сожалению, в XX в. мы отказались от этой здоровой и традиционной для нашей страны политики и начали руководствоваться европейскими принципами — пытались всех сделать одинаковыми... Механический перенос в условия России западно-европейской традиции поведения дал мало хорошего, и это неудивительно»².

Л. Гумилев прав: утверждению института прав народов в России препятствует стремление войти, по его же меткому выражению, в «концерт» европейских держав. А они, как известно, правам народа предпочитают культурные права индивида. В данном случае, кроме вопроса о соотношении коллективных и индивидуальных прав, речь идет о другой, не менее сложной, проблеме — имплементации правовых норм. И сложность не только в том, что имплементация как процесс заимствования правовых категорий, институтов, механизмов должна иметь своим результатом такую трансформацию национального законодательства, которая, во-первых, позволяет развивать, усовершенствовать существующую правовую систему, во-вторых, обновить ее, как правильно замечают О.В. Белянская и О.А. Пугина, «как можно более

естественным образом, органичным по отношению к собственному праву». Поэтому «в результате имплементации правовые нормы адаптируются к национальным условиям с учетом особенностей правовой культуры, ценностей, правопонимания», сложившихся в определенной правовой системе, происходит «постепенная модификация сложившихся культурных и правовых традиций под влиянием развитых правовых систем»³. В принципе правильно. Однако не все так просто. Имплементация по сути своей есть заимствование не столько правовых институтов, процедур и т.п., сколько *идей, ценностей, принципов* — и не столько правовых. Это есть привнесение определенных ценностей. Именно это и должно являться отправным моментом при решении вопроса об имплементации тех или иных норм: ему должно предшествовать осознанное желание перенести те или иные идеи, ценности на собственную почву и полное понимание того, насколько это возможно и каковы будут последствия.

В основе неприятия прав народов на Западе лежит страх перед национализмом, убежденность в том, что правовое закрепление коллективных прав этнических общностей ведет к утверждению в качестве доминирующей идеи мотива «консервации различий», которые, исходя от оформленной группы и являясь фактором ее самоидентификации, отчетливо проецируются в политической плоскости⁴. А это, в свою очередь, может способствовать распространению национализма в его следующих формах: 1) национальный империализм (власть какого-либо национально-территориального образования над другими нациями или национальными территориями); 2) противодействие интеграции (национально-государственное сопротивление наднациональной интеграции, например, противодействие углублению компетенции и расширению ЕС, СНГ и т. п.); 3) требование этнических привилегий; 4) ограничение иммиграции; 5) стремление к образованию национально-

го государства (стремление привести в соответствие территорию, заселенную определенной этнической группой, с территорией государства)⁵.

Поэтому именно в Европе наибольшее распространение получили идеи о необходимости последовательного нивелирования этнонационального, сужения сфер его действия, в частности путем регионализации. Исследование У. Альтерматта об этнонационализме в Европе натолкнуло нас на мысль о том, что регионализация в Европе есть способ преодоления издержек организации территории по этническому признаку. Парадокс в том, что, с одной стороны, Европа пришла к осознанию перманентной саморазрушительности территориально-государственной организации по национальному признаку, с другой — именно для нее характерным признаком остается то, что «этническое, религиозное и культурное многообразие выражается в наличии *большого* (курсив. — Авт.) количества государств»⁶, а ЕС есть объединение малых государств, образованных по этническому признаку, но пытающихся «денационализировать» национальное государство, определить свои общности с помощью дополнительных (кроме этнического происхождения и языка) критериев. Однако попытки освободить политическое гражданство от культурной и этнической идентичности пока не столь успешны.

Наиболее популярным примером «денационализации» государства является Испания. К ее опыту чаще всего апеллируют, когда речь идет об обустройстве полиэтничного государства (о политико-административном устройстве этнически гетерогенной территории), совершенствовании федеративных отношений — в целом о сглаживании действия чисто этнического фактора. Но мало кто говорит, что внеэтническая децентрализация, автономизация в Испании имели успех не в силу разработки особого политического и юридического механизма отрыва этничности от территории, а потому, что в Испании этнический фактор обладает объективной исторически малой зна-

чимостью и доминирует исторически сложившееся региональное (территориальное) единство и региональное своеобразие. Вот что пишет А. Н. Кожановский по этому поводу: «для испанцев фактор территориальной общности превалировал над фактором генетического родства, а в сознании людей категория «место рождения» — над понятием «материнский язык», «этническое происхождение», поэтому «...жители какой-либо территории, отличающиеся по происхождению и языку, но объединенные местом проживания, в совокупности воспринимали себя как особую региональную общность, единый (в гражданском понимании) народ»⁷. И еще: «генетическое и лингвистическое единство оказалось...недостаточным для формирования...коллективного сознания... Идентификацию по этническому признаку повсеместно заменяло доминировавшее чувство регионального, областного единства. Именно на этом уровне и складывались реальные, ощущаемые большинством населения связи, которые на практике становились основой общностей — «народов»⁸. Таким образом, та или иная модель автономизации определяется именно тем, какова связь с территорией у того или иного народа. И в случае с Испанией речь идет именно об умелом использовании *особости этой связи* у народов, ее населяющих, и создание федерации, основанной на сущностных чертах этой связи.

Ярким примером правового «абстрагирования» территории от этнонационального является Европейская хартия обустройства территории 1985 г. и Резолюция Европейского парламента по согласованной политике обустройства территории 1999 г. В Европейской хартии территория никоим образом не ассоциируется с этносом и с проблемами этнонационального развития, и под обустройством территории понимаются «географическое отражение экономической, социальной, культурной и экологической политики общества», система управления и политика по «сбалансированному региональному развитию и физиче-

ской организации пространства», учитывающая «социальный, культурный, природоохранный аспект». И, конечно же, главной заботой обустройства территории является «человек и его благосостояние так же, как и его взаимодействие с природой», а целью — «обеспечение каждому человеку среды обитания и уровня жизни, способствующих развитию его личности в среде, которая планируется в общечеловеческом масштабе». В различных разделах Хартии можно найти формулировки, лишь отдаленно связанные с этнонациональным развитием: «обеспечение благоприятных... культурных условий, которые отвечали бы потребностям различных слоев населения», «компетентное регулирование окружающей среды, ресурсов земли... флоры, фауны, уделяя особое внимание красивым уголкам природы, культурным и архитектурным памятникам», «защита окружающей среды, исторических и культурных ценностей и ресурсов». И только среди характеристик процесса обустройства территории, наряду с демократичностью, всеобъемлемостью и долгосрочностью, говорится о необходимости «принимать во внимание региональное сознание, основанное на общих ценностях, культуре и интересах, которые иногда пересекают административные и территориальные границы». Но названа эта характеристика почему-то функциональностью. А в Резолюции Европейского парламента по согласованной политике обустройства территории 1999 г. вообще предпочли назвать права просто комплексом услуг: «...каждый житель Сообщества имеет право на комплекс услуг — среднее образование, культуру, социальное обеспечение, спорт, отдых, работу, коммуникации, потребление и питание»⁹. Кстати, в Международном пакте экономических, социальных и культурных прав, в ст. 15, под культурными правами понимается «право каждого человека на участие в культурной жизни»¹⁰.

Несколько иначе подошли к этой проблеме в Японии. Принятыми в 1990-е гг. законами «О децентрализации» и «О местной

автономии» территории также были поставлены во главу угла, но в ином ракурсе. Речь шла не о простом расширении прав и пределов полномочий органов местного самоуправления, а о сохранении *индивидуальности* каждого региона: «если раньше территория как природно-географическая и социально-культурная общность была фоном (фактором, условием) реализации целей экономической политики, то ...она стала непосредственным ее объектом...и активным субъектом...», и «региональное развитие...должно происходить на базе *реально сложившихся местных сообществ, с учетом местных особенностей и в гармонии с окружающей средой*»¹¹. Как видим, налицо иное идейное наполнение: в центре находится человеческое сообщество, что создает предпосылки для учета местной специфики (в том числе и этнической), сохранения своеобразия каждого региона (в противовес политике усреднения, типизации промышленного развития предыдущих концепций регионального развития). Главное — развитие территорий «как целостных живых организмов», во взаимодействии друг с другом и окружающим миром (преодоление замкнутости), посредством обогащения новыми красками (инновации), но при сохранении и восстановлении специфики регионов, возрождении культуры и традиций (употребление слова «традиция» практически не свойственно языку европейской региональной политики), т.е. создание «провинциального общества, открытого для остального мира» (в этом контексте провинциальность очень близка к этничности). Японским ответом на стандартизацию уровня и образа жизни и на «наводящую уныние унификацию всей жизни в Японии, игнорирующую местную культуру и колорит»¹², стала качественно иная региональная политика, основанная не только на децентрализации, но главным образом на *гуманизации*.

На Западе уже давно происходит замещение национальных категорий гражданскими (гражданские права, обязанности гражданина по отношению к своему государству

и т. д.). Правильно заметил М. Опальски: «Предполагалось, что последовательное осуществление прав человека во всем мире автоматически решит и все проблемы, связанные с меньшинствами. Тем самым вместо прямой защиты прав меньшинств ориентировались на косвенную... Характерно, что из всех «деклараций прав человека» изъяты упоминания о правах меньшинств, поскольку предполагается, что они будут покрыты правами человека. Нерешенными, в том числе и в либеральном исполнении, остались вроде бы простые, но болезненные проблемы, вроде: на каком языке нужно говорить в суде, в парламенте... нужно ли распределять различные госдолжности соответственно этническому составу и т.д.? Проблема состоит не в том, что подход, отталкивающийся от основных прав человека, дает нам неправильный ответ на вопросы о положении меньшинств, а в том, что такой подход вообще не дает нужного ответа: право на свободу слова не отвечает на вопрос, на каком языке я буду говорить»¹³.

Осознание недостаточности института прав человека для решения этнических проблем и появление политико-правового интереса к правам народов на Западе (в частности, в 1996 г. Германия, Люксембург и Швейцария подписали международный договор «Декларацию о хартии народов и регионов») вызваны многочисленностью меж- и внутригосударственных конфликтов, порожденных нарушением прав этнических общностей, объективно существующими угрозами ассимиляции и потери этнической/национальной идентичности. Примечательно, что в Европе стали разделять концептуальные подходы, традиционно популярные в России. Так, названная «Хартия народов и регионов» основывается на понимании особой важности того факта, что «для реализации подлинного равноправия индивидуумов необходима защита национальной идентичности целой группы»¹⁴. Таким образом, необходимость обеспечения коллективных прав этнических общностей хотя бы в пределах мини-

мума вытекает из принципа равноправия индивидов: равные права индивидов, относящих себя к той или иной этнической общности, становятся чисто формальными без обеспечения прав тех этнических общностей, с которыми они себя отождествляют. Руководствуясь этим пониманием, инициаторы «Парижской Хартии всей Европы» (1990 г.) обратились к правительствам и Парламентам европейских государств с призывом содействовать расширению рамок прав человека как индивидуума за счет включения в них дополнительно права этнических групп и меньшинств, считая такое решение самым действенным способом продвижения по пути демократии, мира и единства.

И это весьма актуально для Европы, которая, как пишет известный специалист в области этничности М.Н. Губогло, «...состоит наряду с крупными национальными государствами из примерно 100 миллионов человек (около одной восьмой всех европейцев), которые принадлежат к 200 этническим группам и меньшинствам. Лишь в немногих европейских государствах гарантированы равные права этим группам. Большинство из указанных 100 миллионов европейцев сопротивляются различным видам имплицитной или эксплицитной дискриминации, имущественным или эксплуатационным стратегиям, направленным на их этническую и языковую ассимиляцию»¹⁵. Именно поэтому сторонники «Европейской хартии народов и регионов» и инициаторы «Парижской Хартии всей Европы» видят в признании и закреплении за этническими группами (этническими большинствами и меньшинствами) минимума прав и свобод, защищающих их равенство и национальное своеобразие (и в первую очередь через механизмы культурной автономии и структуры самоопределения), прочный фундамент для объединения Европы, обеспечения стабильного мира и демократии.

На этом же основывается и Декларация «О хартии народов и регионов» (Брновская программа, Нюрнберг, 2003), указывая, что

«человечество не состоит только из государств и их основных наций. Оно представляет собой исторически сложившееся тесное переплетение народов и народностей, этнических и прочих групп, находящихся в численном большинстве или меньшинстве, а также наций, которые не имеют своей государственности, но имеют равное с основными нациями право на защиту своей национальной идентичности и развитие своей национальной общности». В Хартии указано, что новый европейский миропорядок — это «Европейский Союз, с одной стороны, и максимально возможная автономия для малых национально-культурных сообществ, с другой стороны». «Европа может стать примером для всего мира, если она отойдет от модели более или менее централистского национального государства и обратится к модели многообразия и единства путем гарантии группам прав и свобод, автономии и права на самоопределение». И главным инструментом достижения этой цели является «расширение рамок прав человека как индивидуума за счет включения в них дополнительного права этнических групп». Первым шагом на пути к стабильности и демократии (предупреждению конфликтов и очагов напряженности) в Европе является «гарантия группам минимума прав и свобод», следующий этап — «когда этнические и национальные сообщества, нации, находящиеся в численном большинстве, и национальные меньшинства получают максимально полную автономию, и более того, федеративные структуры и структуры самоопределения»: «прежде за этническими группами должны быть признаны права, защищающие их равенство и национальное своеобразие, а вопросы автономии, федерализма и самоопределения должны быть поставлены в повестку дня Европы». Таким образом, Хартия признает особую важность предоставления всем этническим группам (меньшинствам и находящимся в большинстве) на «территории их поселения» минимума прав. Каких же? Примечательно, что наравне с такими правами, традиционно

объемлемыми правом на самобытность: осуществление национально-культурной автономии и автономии в области образования; дву- и многоязычность в официальной сфере и общественных учреждениях; создание собственных учебных и воспитательных заведений, обучение в школах на родном языке; создание собственных учреждений культуры и их финансирование; доступ к средствам коммуникации и информации; гарантия экономических и экологических условий жизни; использование хозяйственных и природных ресурсов своих территорий; возможность возвращения для изгнанных народов и народностей; беспрепятственное установление и поддержание контактов с носителями своей исконной культуры за рубежом и другими национально-этническими группами — изложены и права политические: активное участие всех этнических групп в общественно-политической жизни через гарантированное представительство в политических институтах, обеспечиваемое соответствующим устройством (гарантирующим подлинное равноправие различных этнических групп), доступ к службе в государственных учреждениях и участие в процессах принятия политических решений¹⁶. Это позволяет думать, что есть силы в Европе, которые намерены сделать из этнических групп реальных акторов не только культурной, но и политической жизни.

Хотя официальная Европа по-прежнему понимает «этнические» коллективные и индивидуальные права в традиционно урезанном виде, о чем свидетельствует Конституция ЕС. Ценностями ЕС (ст. 1-2) названы уважение человеческого достоинства, свобода, демократия, равенство, правовое государство и соблюдение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам: «эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин». Как видим, эт-

нонациональное богатство и разнообразие, его упрочение и умножение не является ценностью ЕС, правда, «богатство своего культурного и языкового разнообразия» ЕС *уважает и заботится* «о сохранении и развитии европейского культурного наследия». Такой же подход обнаруживаем в преамбуле к части II «Хартия Союза об основных правах»: «Народы Европы... решили разделить друг с другом мирное будущее, основанное на общих ценностях», к числу которых как к духовному и нравственному наследию отнесены «неделимые и универсальные ценности человеческого достоинства, свободы, равенства и солидарности», принципы демократии и правового государства, и создать «пространство свободы, безопасности и правосудия», поставив личность в центр своей деятельности, а также достичь следующей цели — внести «вклад в сохранение и развитие этих общих ценностей *при уважении* (выделено автором) разнообразия культур и традиций народов Европы, а также национальной индивидуальности государств-членов и организации их публичных властей на национальном, региональном и местном уровне...»¹⁷.

В содержании самой Хартии Союза об основных правах среди перечисляемых свобод и в их формулировках нет ничего, что хотя бы отдаленно говорило о свободе быть национально выраженным. Единственное, что регламентируется достаточно подробно, — это право на свободу мысли, совести и религии (последняя есть несомненная часть национальной идентификации, но отождествление этнического с религиозным, свойственное современным воззрениям, страдает изрядной долей упрощения). Нет ни слова об этническом

факторе, о возможности жить, соответствуя своей этнической принадлежности, и отстаивать это право. Упоминание о нем мы найдем лишь в разделе III «Равенство», в статьях II-81 «Недискриминация» и II-82 «Культурное, религиозное и языковое разнообразие» и все в тех же традиционных формулировках: «запрещается любая дискриминация, в частности по признакам пола, расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетических черт, языка, религии или убеждений..., принадлежности к национальному меньшинству...»; «Союз уважает культурное, религиозное и языковое разнообразие»¹⁸.

Вряд ли такое правовое регламентирование соответствует европейским реалиям. Однако характер правового регулирования социальных связей и общественных отношений определяется не только реалиями, но во многом характером *желаемых последствий*, тем, какими эти связи и отношения должны стать в результате их регламентирования тем или иным способом. Именно с этой точки зрения можно объяснить усеченную представленность коллективных «этнических» прав в нормативно-правовых актах: она возникла из стремления редуцировать разнообразие жизненных стилей, укладов до уровня туристической экзотики, разновидности товара, т.е. внешних атрибутов, до явления частной жизни. Реальность свидетельствует о том, что национальное приветствуется именно в виде внешних, а не глубоко укоренных в сознании, атрибутов. И это позволяет говорить, что, несмотря на наличие понимания важности коллективных прав, выбор сделан в пользу индивидуальных «этнических» прав.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Смирнова С. К. Права народов в мультиэтничном государстве // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М. — 2002. — № 151. — С. 21–22; Горбунов С. Н., Миронов В. О., Молчанов Б. А. Права коренных народов на благоприятную окружающую среду. — Владимир, 2002. — С. 127.

² Гумилев Л. От Руси до России. — М., 2005. — С. 292.

³ *Белянская О. В., Пугина О. А.* Условия имплементации международно-правовых норм в российское законодательство // *Право и политика.* – 2005. – № 8. – С. 104, 105, 106.

⁴ *Смирнов А. Н.* Этничность и культурный плюрализм в контексте государственной политики // *Политические исследования.* – 2005. – № 4. – С. 30, 32, 35.

⁵ *Ян Э.* Демократия и национализм: единство или противоречие // *Политические исследования.* – 1999. – № 1. – С. 24–31.

⁶ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. – М., 2000. – С. 107, 119, 120–121, 308.

⁷ *Кожановский А. Н.* Испания: этнический фактор и административные границы // *Общественные науки и современность.* – 2002. – № 6. – С. 84.

⁸ Там же. – С. 85.

⁹ *Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза* – М., 2000. – С. 347–353.

¹⁰ *Вайсбродт Д.* Права неграждан // *Юрист-международник.* – 2003. – № 1. – С. 55.

¹¹ *Тимонина И. Л.* Государство и регионы в Японии: эволюция экономических отношений // *Общественные науки и современность.* – 2000. – № 3. – С. 42.

¹² Там же. – С. 43, 44.

¹³ *Опальски М.* Проблемы мультикультуральности // *Политические исследования.* – 1996. – № 4. – С. 187.

¹⁴ Всеобщая декларация прав народов // http://inkpulp/narod.ru/proect/htm_

¹⁵ *Губогло М. Н.* Ассамблея народов России. Теория и практика // *Этническая мобилизация и межэтническая интеграция.* – М., 1999. – С. 122–123.

¹⁶ Декларация «О хартии народов и регионов» (Брновская программа) (Нюрнберг, 2003) // <http://www.balkaria.info/events/zakon/declaration.htm>.

¹⁷ Конституция Европейского Союза: договор, устанавливающий Конституцию для Европы (с комментариями). – М., 2005. – С. 99–101, 137.

¹⁸ Там же. – С. 138–144.